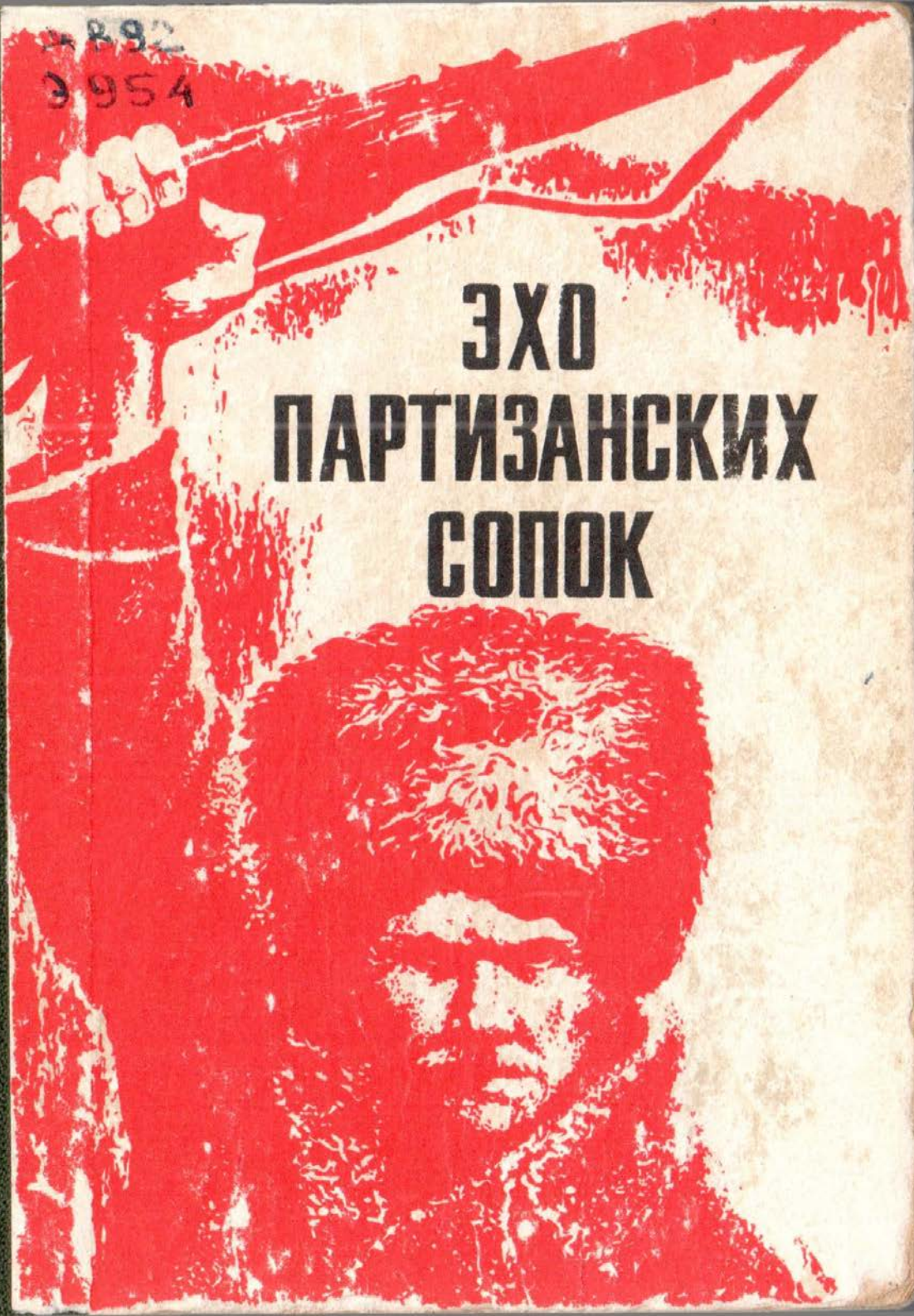

2892
3954

A red ink illustration on a light-colored background. The top part shows a mountain range with a river winding through a valley. Below the mountains, there is a large, detailed portrait of a man with a beard and curly hair, looking slightly to the right. The entire illustration is rendered in a high-contrast, graphic style using only red ink.

**ЭХО
ПАРТИЗАНСКИХ
СОПОК**

ДБ 9227 P2-5+
+9(0)22,5 + 9H(010)

ЭХО ПАРТИЗАНСКИХ СОПОК 9954

Гражданская
война
на территории
Хабаровского
края
в воспоминаниях
участников
и заметках
историков-краеведов

V1780493
✓
O
+V V

Хабаровское
книжное
издательство
1973

Хабаровская
краеведческая
БИБЛИОТЕКА

НА НИЖНЕМ АМУРЕ И АМГУНИ

Сергей Александрович ПТИЦЫН

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКИ МСТЯТ

Первое время после высадки десанта японских интервентов в Николаевске к власти здесь пришло земство во главе с эсером Шелковниковым, родственником кулаков села Большемихайловки. Каждая власть имеет свою армию. Земство тоже объявило набор в добровольческий отряд. Пришло в него человек полтора ста. Четвертая часть — офицеры. Во главе стал подпоручик Токарев, из местных мещан, известный тем, что, примерно в апреле 1918 года, с явно контрреволюционной целью втерся в «организаторы» Красной гвардии, был разоблачен, затем участвовал в заговоре против Совета, милосердно прощен и теперь оказался как раз у места.

После прихода Колчака к власти в Сибири николаевские эсеры вздумали протестовать против диктаторского переворота и выпустили воззвание, оканчивающееся словами известного выборгского воззвания представителей разогнанной царем Государственной думы: «не давайте правительству налогов и солдат». Кадетская николаевская газета «Восточное Поморье» ехидно высмеяла авторов, а лидеры местных эсеров Шелковников и Лимберг выступили в той же газете с заявлением о своем разрыве с этой партией. Николаевская обывательщина и контрреволюция с энтузиазмом подчинились «верховному» и «единому» диктатору.

Началась мобилизация воинства.

Первоначально были призваны молодые люди рождения 1897, затем 1898, 1899, и последняя мобилизация — 1900 года. Из собранных молодцов создали отдельный запасной батальон, который вместе с добровольческим отрядом составил шестьдесят—семьдесят штыков. Недолго командовал им тот же Токарев, а с января 1919 года непосредственно от Колчака, из Омска, прибыли полковники Виц и Медведев. Первый возглавил батальон, заместителем у него остался Токарев; второй — гарнизон и в сущности стал диктатором округа, правда, с полной зависимостью от японских интервентов.

Вот тогда-то развернулась работа белогвардейской контрразведки. Все жаждущие мести «бунтовавшим» рабочим и крестьянам нашли свое место.

Выделилась пулеметная команда — шестьдесят человек, исключительно сынки местной буржуазии, ученики реального училища. Начальником команды назначили поручика Гарфа, сына николаевского крупного акцизного чиновника.

Учебная команда, где готовились ефрейторы и унтеры, — также состояла из добровольцев. Начальник — подпоручик Бармин.

Комендантская команда — пятьдесят человек, составленная по специальному отбору офицеров из самых благонадежных солдат. Начальник — поручик Крошевец, подчиненный непосредственно полковнику Медведеву, а помощники — сотник Ивановский и прапорщик Кобыляченко, прибывшие от атамана Калмыкова, участники карательных экспедиций по Хабаровскому уезду. Эта команда стала опорой контрразведки, постоянными сотрудниками которой были офицеры — человек десять во главе с ротмистром фон Лаунцем и корнетом Парусиновым. Было еще некое «управление государственной охраны» во главе со

статским советником Лехом. На вторых ролях, но тут же находился некий Гарпун, без чина, просто шпион. Кроме того, милиция во главе со штабс-капитаном Немчиновым.

Остальная часть батальона составила три роты, которые использовались в помощь спецкомандам и службам.

В городе процветал спекулятивный ажиотаж, офицерство пьянствовало, водило компании со всякого рода хозяйчиками и торгашами, срывало взятки, буйно гуляло с кокотками, хулиганило и придиралось по всякому поводу, чтобы кого-нибудь оскорбить, побить и прочее.

В таких условиях общественная жизнь замерла, революционную работу вести было крайне трудно. Однако она была. Среди грузчиков, например. Руководил там служащий Амурского пароходства Чепурков.

В ротах мобилизованных тоже назрело брожение. Здесь революционное настроение внесли студенты Фраерман (ныне писатель) и Нил Смирнов, один из авторов эсеровского воззвания против Колчака Хаим Клявер, Губанеев, Василенко, унтер-офицер Соловьев. 1 мая 1919 года они устроили в казарме митинг и развернули красный флаг. И это имело успех во 2-й роте. Подавили митинг японцы. Они окружили казарму и разоружили роту. Клявера, Смирнова и Василенко отправили к Калмыкову. (Судьба Василенко неизвестна; Смирнов расстрелян, а Клявер дождался освобождения тюрьмы партизанами.)

С лета 1919 года николаевская белогвардейщина начала посылать карательные экспедиции.

Одна из первых, под начальством Гарфа, Бармина и Сеничкина, в составе пулеметной и учебной команд прошла по Кербинскому приисковому району. В поселке Керби произвели повальный обыск, ища ору-

жие, и, выпоров нескольких крестьян, отбыли на крестьянских подводах по тракту Керби — Экимчан, производя по пути все те же обыски и порку рабочих. «Работали» каратели рьяно.

Добравшись до Софийска, не вернулись, а, прослышав о партизанах на Бурее, пошли в верховья этой реки, оттуда на лодках спустились вниз и, дойдя до населенных пунктов, снова шли пешком. Встретились с небольшой группой партизанского отряда, отступавшего от казаков, застрелили двух партизан, а двоих им удалось захватить. Отличился тут доброволец Маевский — и провокаторскими способами захвата партизан и экзекуцией над ними. Вместе с подпоручиком Барминым он порол их и сыпал на раны соль. Затем они же произвели казнь. Один партизан не выдержал пытки, застонал — его повесили. Второй мужественно вынес все — его расстреляли. После того отряд Гарфа спустился до станицы Иннокентьевской и вернулся в Николаевск по Амуру на пароходе. Кадетское «Восточное Поморье» возвеличило этот «боевой поход», все участники карательной экспедиции были представлены к наградам, отличившихся палачей повысили чином.

Тогда же уходил с 1-й ротой солдат с карательными целями до селения Синды Токарев. Он должен был найти и разбить партизанский «Морской» отряд Мизина, но не нашел и не разбил, а потому выпорол захваченных мирных жителей. «Отличились» в этой экспедиции опять добровольцы: сын николаевского рыбопромышленника Брунера (одного старика заколол штыком) и офицер из местных жителей Цуканов (порол даже женщин).

Контрразведка постоянно шныряла на катерах по лиману и вблизи морского побережья. Прочесывала рыбалки, вылавливала комиссаров. Во всю старался произведенный в прапорщики Кобыляченко. Кажет-

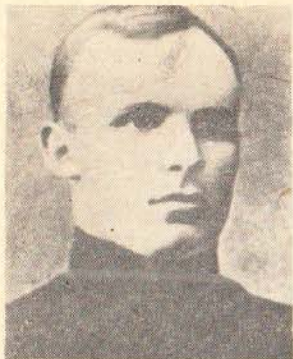
ся, с его участием были схвачены большевик Бунин и ведший агитацию за Советскую власть Карякин.

С самого начала интервенции, еще при земстве, были схвачены и брошены в тюрьму комиссары Слепов, Бебенин, Будрин, Жоголев, Павличенко, Иваненко, затем переведены в арестное помещение полиции. С помощью сочувствующих солдат охраны, подпольщиков и родственников комиссары бежали. Иваненко и Жоголев скрылись в городе, а Будрин, Бебенин, Слепов и Павличенко в тайге, в районе села Сергеевского в верховьях речки Бамбасовой, где их снабжал провизией старый пастух Константин Павлов. Он же доставил им некоторое оружие.

За комиссарами бросилась в погоню комендантская команда, но следа их не нашла. Товарищи уже ушли на Амгунь, где организовали первую партизанскую группу в нашем районе. Было их тогда немного, человек пятнадцать, в основном красногвардейцы и рабочие приисков.

За будринским отрядом на Амгунь пошел зимой все тот же Кобыляченко. Вел его с комендантской командой контрразведчик Слепухин, из местных, имеющий разветвленную агентурную сеть. Но, видимо, предатели из местных кулаков ничего не знали, каратели напали на след будринского отряда случайно. По пути захватили в плен двух партизан, не успевших уничтожить письмо Будрина к крестьянам Полещукам, отцу и сыну, которые помогали отряду. Ни партизаны, ни Полещуки не выдали отряда. Каратели их расстреляли. Провел экспедицию один местный житель, которого подкупил Слепухин.

Хоть и внезапный и хитростный был налет — ночью, бесшумно, уверенно подкрались, — но захватили отбившихся ночью от отряда только двоих, Слепова и Васильева, да нескольких партизан успели застрелить в зимовье. Будрин увел остальных, поч-

Иван Гаврилович ЧЕПУРКОВ (1893—1919) — большевик, в 1918 году — работник «Националь-флота», в 1919 году — подпольщик в Николаевске-на-Амуре. Убит из-за угла белогвардейцами из колчаковской контрразведки

ти раздетых, замерзающих на жгучем морозе (погиб Бебенин) к озеру Дальжа.

Слепова контрразведчики растерзали в тюрьме. Нашли его партизаны, когда вошли в город. Искали останки партизанского парламентаря, а наткнулись на целую братскую могилу казненных. Об этом следует рассказать.

Партизаны послали парламентаря Орлова, когда белогвардейцы были уже разбиты, держались в городе только гарнизоном японских интервентов. Партизаны предлагали, во избежание кровопролития и бомбежки города, сдать. Парламентар не возвратился. И вот, после входа в город, они поймали контрразведчиков Слепухина и Парусинова, которые после долгого заперательства признались, где «захоронен» парламентар.

Он был найден замороженным в яму во льду недалеко от берега, в конце города. В этой же ледяной яме лежали трупы Слепова, ямщика парламентаря — Шетникова, крестьянина, и бывших земских деятелей Жердева и Курова, заподозренных в сочувствии Советской власти. Все были изуродованы до невозможности, на теле каждого насчитывалось по несколько

Николай Васильевич СЛЕПОВ (1892—1920) — большевик, рабочий-бондарь; делегат 4-го краевого съезда Советов в Хабаровске в 1918 году; комиссар Красной гвардии, председатель военревштаба в Николаевске-на-Амуре в 1918 году. Партизан. Расстрелян белогвардейцами

десятков колотых, резаных, жженных ран, следы порки шомполами и каких-то других орудий пыток.

Сыновья хозяев приисков, рыбопромышленников, крупных домовладельцев мстили в бессильной злобе рабочим, крестьянам, всем, кто хотел восстановить власть Советов.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 292, л. 30—60)

Рассказы детей подпольщиков

Николая Леонидовича БЕБЕНИНА

Наш отец, Леонид Петрович Бебенин, работал столяром в портовых мастерских Николаевска-на-Амуре, получил увечье левой руки и вынужден был идти бондарем на завод Рубинштейна. За организацию маевки и отца и мать уволили, они устроились в частную бондарку.

Сразу же после Февральской революции отец углубился в революционную работу, часто выступал на митингах, организовывал профсоюз чернорабочих и был его председателем. В 1918 году отец был депутатом Совдепа и членом военревшта-

ба, один из организаторов Красной гвардии. За несколько дней до высадки в Николаевске японского десанта он выезжал в крепость Чныррах, ему было поручено привести орудия в небоеспособное состояние, чтобы им не мог пользоваться враг. Замки с пушек попрятали. Затем он скрылся. Несколько дней наша квартира находилась под охраной белогвардейцев. В газетах было помещено объявление об отце с приметами, обещалась денежная премия за его поимку. К нам ночью нагрянули белогвардейцы. Один офицер ругался и кричал, угрожая матери наганом:

— Где муж? Взять ее в нагайки!

Нас, детей, было пятеро. Мне тогда шел тринадцатый год. Мы все проснулись, младшие прижались к матери, плачут.

Через несколько дней мать послала меня собирать дров на берегу Амура. Я спустился по Адмиралтейской улице. Там стояли большие скирды сена. Из одной меня окликнул отец. Потом я несколько раз прокрадывался туда и приносил отцу еду. Он сказал, чтобы я сходил к типографскому рабочему Лаптеву. Они назначили свидание на кладбище. После этой встречи отец стал готовиться, как он говорил, «в дальний поход» — в деревню Иски, где должны были собраться его товарищи. Я принес отцу зимнюю одежду, продукты, паспорт на имя Петрова, патроны, винчестер и наган. Провожал отца километра три по дороге. Он успокаивал меня (я был исключен из училища как сын комиссара), просил заботиться о матери и младших.

Пришлось мне тогда работать. Продавал газеты, потом товарищ отца устроил меня в союз чернорабочих, я топил печи.

В деревне отец никого не нашел и вынужден был вернуться в город, скрывался у знакомых грузчиков и бондарей. Арестовали его на моих глазах. Вечером он зашел в помещение союза, я как раз топил на ночь печи. И вдруг нагрянули белогвардейцы. Все они были в гражданской одежде, но когда увидели отца, выхватили револьверы и увели его, посадили в тюрьму вместе с другими схваченными комиссарами.

Сначала свидания нам с ними не разрешали, принимали только передачи, потом стали пропускать детей — меня, сестру

Леонид Петрович БЕБЕНИН (1880—1919)

Шуру и Бориса Будрина. Нам отцы передавали записки Жердеву и Брусникину, а Лаптеву — тексты листовок. Он их печатал, а мы — Клячин, Борис Будрин, сестра Шура и я — распространяли.

Была ли в городе подпольная организация? Безусловно, была, но состав ее я не знаю. Мне же приходилось по заданию отца и других комиссаров встречаться с доктором Покровским, Клячиным, Лаптевым, Жердевым, Мануйловой (сестра Любови Львовны Будриной), с Брусникиным, Павловым, грузчиком, которого звали Андреем, и женами других комиссаров. Возможно, из нас, детей их, знал об организации Борис Будрин, самый старший. Но он убит бандитами из окружения анархиста Тряпицына.

В начале августа наших отцов перевели в арестный дом при милиции или контрразведке. Тогда началась подготовка к побегу. Доктор Покровский устроил меня разнорабочим в госпиталь. Он и передал со мною в «каталашку» два плоских бачка со спиртом и какое-то снотворное.

В это же время поздним вечером мы с Борисом Будриным разбрасывали листовки. Мы их оставляли в местах, где всего больше бывает народа, опускали в почтовые ящики и кое-где приклеивали. Борис решил приклеить листовку на доме контрразведки, и нас тут заметили. Пришлось убежать. Я спрятался

в круглой будке, на которой наклеивали афиши, а Бориса поймали. Его и мать Любовь Львовну арестовали. Их долго допрашивали, увозили из Николаевска. Но все-таки выпустили.

А наши отцы бежали в первую субботу сентября 1919 года. Они устроили вечером «именины», на которые пригласили охранников, угостили их снотворным и в полночь скрылись. Ясно, что кто-то из охранников им помогал.

Бежали в тайгу, стали создавать партизанский отряд. На их выследили, когда у них было еще мало людей. Нагрянул карательный отряд к зимовью ночью. Большинство с Иваном Будриным сумели уйти. Наш отец в дороге погиб.

Веры Николаевны ЛАПТЕВОЙ (СМИРНОВОЙ)

Наш отец Николай Павлович Лаптев (1884—1938) был сослан в Николаевск-на-Амуре за организацию забастовки типографских рабочих в Саратове (1905). А дед наш еще в 1902 году был сослан в Сибирь за участие в поджоге помещичьей усадьбы и где-то погиб.

В Николаевске отец работал наборщиком в типографии газеты «Амурский лиман». Позже, когда к нему в ссылку приехала семья, вместе с ним стала работать и мать, Серафима Антоновна. В революцию отец вступил в партию большевиков, во время колчаковщины и интервенции вел подпольную работу.

Мы жили во флигеле, рядом со зданием типографии. Наш дядя Илья был управляющим, а отец наборщиком. После рабочего дня типография всецело оставалась в их распоряжении. Оттуда можно было брать краску и шрифт. Дядя дал ручной валик — старый, чтоб не быть уличенным. Все было загодя продумано. Когда набрали достаточно шрифта, начали печатать листовки.

Типография в буквальном смысле была подпольной. В нашей квартире отодвигался комод, поднимались половицы — узкая щель вела вглубь, в тесную каморку. Там и стояли верстаки со шрифтом. По ночам отец и мать делали набор и ручным ва-

Семья Лаптевых. Вера Николаевна — в верхнем ряду, над отцом. 20-е годы

ликом печатали листовки. В это время бабушка Евгения Ивановна дежурила на улице, в коридоре или у окна.

В подготовке материалов, как теперь я понимаю, главную работу выполнял Чепурков. Он составлял текст. Для одной из листовок он даже вырезал клише — Колчак с лошадиной мордой в цилиндре и три виселицы с повешенными. Расклеивал листовки чаще всего Борис Будрин, бесстрашный юноша.

При белых в городе появилась вторая типография. Оба владельца типографий перетягивали рабочих каждый к себе. Мать осталась при первой — от ее хозяина мы имели квартиру во флигеле, а бабушка — сторожем и уборщицей; а отец перешел в другую.

Он и там набирал понемногу шрифта. Иногда, когда я приносила из дому отцу обед в судке с тремя мисками (они вставлялись одна в другую), он клал шрифт на дно этих мисок. Все это было достаточно серьезно, я это уже понимала. Шрифт нужно было незаметно пронести, промыть горячей водой и рас-

КОМАНДИР «ГОРНОГО» ПОЛКА

О Будрине я слышал еще в детстве, но рассказы о нем старых партизан не были законченными, обрывались на самом интересном. Прошло много лет. Я был солдатом, студентом. Стал учителем. Пошли мы походами (я и мои ученики) по партизанским тропам. Встречали на Нижнем Амуре много участников гражданской войны. Записывали их рассказы, сравнивали. События приходили в некоторый порядок. На этом фоне все ярче вырисовывалась фигура серьезного человека, пламенного, уверенного борца Ивана Александровича Будрина. Казалось, покажи мне его фотографию, и я узнаю его — внешне обаятельного, волевого, умного, подвижного, легкого на ногу, исходившего

И. А. БУДРИН (1874—1920)

всю нижнеамурскую тайгу, изведавшего все золотые прииски. Но фотографии не было.

Началась переписка, и поиски увенчались успехом: нашлась в Москве внучка Ивана Александровича — Ирина Ивановна. Она бережно хранит альбом бабушки и дедушки. В нем кроме снимков легендарных предков межкартонных листов вложена бархатная повязка красного цвета. Ее сшила бабушка Любовь Львовна, с нею выходил Иван Александрович на демонстрации в Николаевске — в 1917, 1918 и 1920 годах. К сожалению, в старом альбоме не оказалось фотографии Бориса Будрина, погибшего вместе с отцом.

В семье Будриных было еще два сына. Один из них, Сергей, погиб в Николаевске же в период японского выступления, сраженный шальной пулей.

Кладывать по кассам, вернее, по клеточкам. На каждой клеточке сделали наклейки, чтобы я не перепутала, где какие буквы и знаки препинания. А буквы были разложены в разбивку, не по алфавиту, не так, как в азбуке.

Я училась в третьем классе городского женского училища, и отец с матерью мне доверяли, как старшей.

Набор длился обычно два-три дня, а то и больше, потому что работа велась урывками, в подходящее время. Потом начиналось печатание. Я несколько раз видела, как это делалось.

Самый младший, Иван Иванович, участник Великой Отечественной войны, офицер Советской Армии, погиб на фронте.

Будрины в низовьях Амура были старожилами. Брат Ивана Александровича работал учителем в приисковом селе Керби, сестра жила в Николаевске на Амуре.

Иван Александрович и его жена Любовь Львовна были достаточно образованными людьми, в детях своих воспитывали передовые взгляды на жизнь. Будрин занимал должность техника в горном управлении, в рабочей среде пользовался уважением. Будрины водили дружбу не с чиновниками и буржуазной интеллигенцией, а с рабочими — Бебениными и Слеповыми. В дни революции Будрин бесспорно примкнул к большевикам.

В 1918 году Ивана Александровича избрали в Совет рабочих и крестьянских депутатов, он стал комиссаром горной промышленности. Лето 1918 года для него было очень трудным. В июле в Николаевске прошел съезд горнорабочих, на котором приняли решение национализировать прииски. Надо было организовать дело по-новому: создавать приискательские артели, избирать вместо хозяйских контор горные комитеты. Прииски разбросаны, дорог почти нет. Старые хозяева вооружали банды, по тайге шныряли хищники — грабители, спекулянты, контрабандисты. Постоянных рабочих на приисках, сравнительно с сезонниками, было не так уж много. Все это предстояло менять, наводить строгий рабочий порядок.

Комиссар горной промышленности выехал на прииски. Проводил собрания, докладывал решение съезда, разъяснял суть национализации. Избирались новые органы власти и управления производством. Дело облегчалось тем, что основной костяк рабочих знал его и доверял ему.

В золотосплавочную контору Николаевска начало поступать золото от коллективов приисков.

А 8 сентября в Николаевске высадился японский десант.

Будрина выслеживали все контрреволюционные силы — и хозяева приисков, и земцы-эсеры, и интервенты.

Брошенный в тюрьму, Иван Александрович проявился как самый негибав-

Кисть слегка обмакивали в краску и наносили краску на колонки столбцов. Потом клали лист бумаги и проводили по листу валиком. Листовка готова.

Однажды листовки упаковали и меня направили с ними к солдатским казармам, где служил наш кум Семен Бехтеков. Он их ночью подсунил всем солдатам под подушки.

Один раз отца арестовали земские власти. При нем были прокламации. Когда вели мимо наших знакомых Прохоровых, он попросил конвоира напиток. Паша Прохорова вынесла кув-

мый борец. Через стены тюрьмы от него шли вести в тайгу, на прииски. Он призывал рабочих организовываться.

Он и товарищи сумели вырваться из застенка. Зимой, загнанные в глухое место, сумели организовать маленький отряд. Сумели уйти от карателей. А потом этот отряд вырос в большой полк, состоявший главным образом из горных рабочих и бывших красногвардейцев. Он пришел в Николаевск, когда выступили японские интервенты, которые ставили своей целью частично перебить и разоружить партизан.

Будринцы, как рассказывают, услышав об этом выступлении в походе, сели на крестьянские подводы и мчались бешено. Успели вовремя.

С помощью свежих партизанских сил интервенты были смяты. Рассказывают, что Будрин обрушился на штаб врага и сам уничтожил его главаря, чванливого самурая майора Исикаву.

Еще не смолкла перестрелка, открылся съезд трудящихся. Будрина снова избрали горным комиссаром, остался он и командиром полка.

Погибли он и его сын Борис в непримиримой борьбе с анархистами.

Составитель Е. М. ЗОЛОТЫХ

шин с водой, будто знала беду. Отец напился, как-то ухитрился вытащить из-за пазухи прокламации — те, с Колчаком, — и всунул их в кувшин. Вот этим он и был спасен, а то бы петля неминуема.

Когда отца арестовали второй раз, типографию пришлось перенести в другое место.

Когда комиссары совершили побег из тюрьмы, контрразведка многих арестовала по подозрению в сообщничестве. Дольше всех держали Любовь Львовну Будрину и сына ее Бориса, а вместе с ними и нашего отца. Ему выбили на допросах маузером передние зубы, и, когда он вернулся, вся спина у него была в красных рубцах от шомполов.

В декабре 1919 года пришло страшное известие, что в тайге погибли лучшие товарищи отца — Будрин, Бебенин, Слепов и другие. Отец это сильно переживал, весь оброс бородой, усами и сильно похудел, начал кашлять. У него были обнаружены зачатки туберкулеза. Только благодаря тому, что он не пил и не курил, ему удалось потом свое здоровье поправить. Вскорости стало известно, что Будрин жив и с отрядом партизан ушел на прииски. Это поддерживало силы в отце.

Иван Васильевич КУЗНЕЦОВ

ЛЕСНАЯ КОММУНА «ЛЕНКОДА»

Я возглавлял в Николаевском Совете военную секцию и тоже был арестован. Оставшиеся на свободе товарищи организовались и вели подпольную работу.

Часть арестованных, в том числе и меня, через несколько дней перевели из тюрьмы в здание Красной гвардии, которое охранялось японцами, поскольку было занято ими. Под японской охраной мы каждый день ходили за хлебом. Потом японский купец Симанда взял нас к себе на работу, и нам разрешили до 9 часов вечера ходить по городу без охраны. Мы вели себя «скромно», а сами начали подготовку к побегу в Амгуно-Кербинский район. Надо было заготовить продукты, орудия лова рыбы и охоты на зверя. Все это закупали Малахов и Офицеров. Деньги у нас сохранились. Мы их получили при роспуске исполкома — выдана была зарплата за полтора месяца вперед. Тюки наших грузов отправляли пароходом с квитанцией на предъявителя.

Мне дали задание подобрать ряд товарищей, с которыми я и должен выехать. Цель: накопление сил для восстания. Это задание я получил лично от Самуила Бунина, секретаря горкома коммунистов. Подобрал я следующих товарищей: Чибисова, Худякова, Генералова, Коняшина, Котельникова и Сурина. Это кроме тех, кто был в нашей группе прежде.

Настал день побега. Мы отправлялись на пароходе «Амгунец», который уходил последним рейсом перед закрытием навигации. Товарищи взошли на пароход. Я ждал третьего гудка. У меня был на всякий случай небольшой грим. Документов у всех — никаких. После третьего гудка пароход стал отходить от причала, но на рейде вдруг остановился: объявили проверку

документов. Мы подняли шум, протестуя. Публика нас поддержала. Проверяющие махнули рукой, и «Амгунец» отправился в рейс Николаевск — Керби.

В Керби поместились в доме Михаила Глухова. В тюках у нас была литература, охотничьи припасы, дели для неводов, оружие, много палаточной ткани. Дом Глухова был большой, разместились.

Начали знакомиться с местным населением, в первую очередь с бывшими фронтовиками, которым угрожала мобилизация в белую армию. Нашли очень надежных товарищей — охотник Уткин, крестьяне (занимались извозом и рыбалкой) Ильясов, Иванов, Смагин, Баширов, Мавлеткулов, Горчаков, Абросимов, Коваленко, Уртаев, Глухов и служащие — Кирьянов (радист), Тихомиров (начальник радиостанции), Болдовский (начальник почты). Связь была в наших руках.

На собрании решили создать трудовую коммуну. Кто-то предложил ее назвать «Ленкода» — по названию таежной реки, где нам предстояло заготавливать лес. Меня избрали командиром.

О нашем исчезновении из Николаевска вскоре узнали белогвардейцы. В погоню послали пароход «Муромец» с карательным отрядом. Но было поздно. Вода в Амгуни резко падала, пароход дошел до Удинска и вернулся. Об этом мы узнали из телеграммы и запросов к местным властям. Урядник Симакин боялся нас, старался обходить, не замечать.

После окончания рыбного сезона, за который мы успели немного подработать, нам предложили подряд на заготовку дров для радиостанции и конторы связи. Тем временем отправили в город Худякова с моим письмом. Там он прежде всего должен был обратиться к братьям Прикшайтисам, которые были связаны с подпольщиками. Поездка его оказалась удачной. Худяков действовал от имени трудовой коопера-

тивной артели «Ленкода». Заключение договора на поставку лиственничного леса для клепки, из которой в городе изготавливались бочки под кегу. Потребность в клепке всегда была большая. Под договор мы получили задаток в сумме 2000 рублей на выкуп лесорубочного билета.

Заготовку дров закончили довольно быстро, получили расчет и деньги пустили на питание. Начали готовиться к выезду на лесозаготовки. Вышли уже зимой. Несколько дней пробивались к месту по снегу, тянули нарты с имуществом и инструментами. Построили зимовье, приступили к заготовке леса.

В бараке день и ночь было дежурство, и выставился вооруженный постовой на дороге, в километре от нас. Кроме того, охрану вел охотник Уткин, проживавший в десятке километров от нас. Из Керби на лыжах приходили наши знакомые, поддерживали связь. Бывали охотники-эвены. Мы их встречали как добрых гостей. Делились продуктами, давали соль. Они нам привозили мясо — оленину, сохатину.

Никто из карателей не навевался на прииски. Приезжали лишь отдельные представители колчаковской власти. О скрывавшихся большевиках они знали, но что-либо предпринять против нас не решались.

В Керби наши подпольщики в это время организовали драматический кружок, в который входила местная молодежь. Руководил кружком ветфельдшер Михайлов. Мы с ним в старое время служили в крепостной артиллерии николаевского гарнизона. Через кружок велась политическая работа. Молодежь села потом приняла активное участие в восстановлении Советской власти в Амгуно-Кербинском районе.

С открытием навигации в Керби прибыл карательный отряд. Нас заранее предупредил о его приближении местный житель Ганеев. Мы ушли в тайгу.

Стало известно, что во многих местах Приамурья

возникли партизанские отряды. Мы начали готовиться к свержению колчаковской власти в Керби. Создали подпольный комитет во главе с Власовым-Днепровским, вырвавшимся из благовещенской тюрьмы. Коммуна «Ленкода» стала вооруженной силой комитета.

14 января 1920 года наше восстание в Керби свершилось успешно и без жертв. Создали ревком снова во главе с большевиком Власовым. Наш отряд поехал на прииски, расположенные в шестидесяти и более километрах в тайге, чтобы и там восстановить Советскую власть.

Январь был вьюжным и снежным. Телефонную связь с приисками мы прервали, но на приисках считали, что все произошло из-за бурана. Когда погода притихла, мы выехали.

На Главном Стане нас ждали свои товарищи — Худяков, Пильнов, рабочие Корташевский, Сидоров, Зиновьев. Переворот здесь произошел быстро. Арестовали управляющего приисками Тыркова, стражника Немчинова и кое-кого из промышленников и купцов на Веселой Горке. Забрали оружие и золото. Строго следили за тем, чтобы никто не выехал на дальние прииски и не предупредил хозяев и белогвардейскую стражу. Ждали появления урядника Симакина, который выехал на прииск Гонгрэн и должен был вернуться.

К вечеру опять пошел снег. Постовой Корташевский в это время сообщил:

— На дороге подвода!

В кошеве сидел тушеподобный, закутанный в тулупы, как мумия, Симакин. Он был мертвецки пьян. Мы его втащили в здание конторы, где устроили штаб, и стали «распаковывать». За пазухой нашли недопитую бутылку самогона, отобрали наган. Из кошевы забрали винтовку с патронами. Тараща пьяные глаза

Почетный караул на похоронах партизана Петра Даниловича Черанева. Слева направо: Шамколович, И. В. Кузнецов, А. С. Петров, С. П. Днепровский (задние ряды с винтовками). 1920 год

и не понимая, что с ним произошло, Симакин начал истерически кричать. Наш товарищ Черанев объяснил ему, в чем дело, и водворил в присковую кутузку.

Предстояло арестовать еще офицера Бучинского. Тот жил в зимовье в пяти километрах от Гонгрена, на Кербинском перевозе, где находился контрольный пропускной пункт.

Отправились к зимовью Черанев, Корташевский, Зиновьев и рабочий. Прибыли. В зимовье-сторожке горел свет. У Бучинского оказался еще десятник Крестов. Они сидели за столом и играли в карты. На столе — бутылка самогона, закуска. Перед Бучинским лежал наган.

Наши товарищи осмотрели все через оконце и решили их брать. Рабочий остался с винтовкой на улице, остальные вошли в зимовье. Черанев поднял наган:

— Руки вверх! Вы арестованы!

Бучинский ударил рукой по лампе, схватил свой наган и выстрелил дважды в направлении двери. Стрелял он метко. Черанев был убит наповал, Зиновьев ранен в руку. Бучинского свалил Корташевский выстрелом из винтовки, ранил его. Как оказалось, наган Черанева дал осечку.

На другой день тело Черанева было доставлено на Главный Стан, а затем в село Керби, где его похоронили с почестями.

Через некоторое время к нам пришел партизанский отряд Будрина. Коммуна влилась в этот отряд, который вскоре вырос за счет приисковых рабочих в полк.

Наша коммуна «Ленкода» вместе с местной молодежью стала ротой в «Горном» полку Будрина, командовал ею кербинец Андрей Петров. Меня избрали начальником штаба полка.

Иван Иванович ЦЕНЦЕВИЦКИЙ

ЦИММЕРМАНОВСКИЙ БОЙ

Декабрьским вечером экспедиционные группы, посланные партизанским штабом Бойко-Павлова, вступили в Циммермановку. Разместились по домам. Спали вповалку на полу. Но часовые и патрульные выставлялись строго. Нас беспокоило то, что человек тридцать—сорок верховых казаков бежало раньше из Киселевки в направлении Софийска и Мариинска. Могли вернуться и привести с собой подкрепление из белых.

Отряды наши насчитывали тут, мне помнится, триста человек. Несколько командиров. Потом объединились, общим командиром назначили Дмитрия Бузи-

на. Стал отряд, разбитый на взводы. У кого оружия не было, выдали берданки.

Циммермановка была большим селом, помнится, в 70—80 дворов. Дома добротные, рубленные из лиственяка, многие под цинковыми крышами.

Постояли мы здесь дня четыре. Потом команда — подготовиться к выступлению вниз по Амуру. Переход предполагался до Софийска, довольно длительный — два почтовых перегона, через станки Пульсы и Больба. Они настолько маленькие, что в них и взводу партизан не хватит места погреться. Мы прятали хлеб за пазуху, чтобы не замерз. Утром выступили.

Впереди по узкой санной дороге, обозначенной вешками, ехали пять конных разведчиков. На подходе к первому стану они свернули с Амура и поскакали туда. Отряд же не думал заходить, спешили в Софийск. Вдруг с бугра послышалась пулеметная очередь. Разведчики ехали на подъем, как раз навстречу тем, кто стрелял. Пришлось соскочить с коней, залечь. Под огнем они ползком добрались до торосов и перебежками направились к отряду, растянувшемуся вдалеке по Амуру. Кони вернулись сами.

Мы никак не предполагали, что на почтовом станке окажется засада, да еще с пулеметом. Командование решило вернуть отряд в Циммермановку и произвести серьезную разведку. Мы не знали еще, что навстречу нам вышел из Николаевска отряд белых под командованием Токарева.

Простояли в Циммермановке еще шесть-семь дней. Обстановка прояснилась. Бузин дал указание сделать укрепления вдоль берега. Рыли окопы в снегу и брустверы обливали водой. Потом мы их пробовали — пуля не пробивает, дает рикошет. И все-таки мы не знали, что бой придется принять именно здесь. Делали

Отряды партизан-лыжников создавались на Нижнем Амуре как необходимость: зима 1919—1920 года была необыкновенно снежная. Лыжники ходили в разведку, совершали стремительные обходы, первыми нападали на врага. Среди партизан-лыжников было немало и представителей местных народностей. Вот некоторые из них: Ливока Кириллович КИЛЕ, нанец из села Верхний Нерген; Илья ЗАКСОР, нанец из села Верхний Нерген; Николай Яковлевич САМБА, ульч из села Удан; Петр Иванович ДЖОРКО, ульч из села Мариинского

укрепления на всякий случай, а готовились в поход.

Вечером мы, партизаны, получили распоряжение, что утром выступаем. Спалось мне плохо: идти ведь, по сути, в наступление. Мы лежали на полу. Тут было много своих ребят из Синды, словом, из «Морского» отряда Мизина. Я несколько раз обувался и выходил на улицу. Тишина стояла морозная, чуткая, звезды горят. Ничто не предвещало плохой погоды. Это хорошо. Но под утро повалил снег, подул верховой ветер. Куда тут выступать!

И в это время наши караульные в нижней части села подняли стрельбу. Шли белые.

Встретив оборону в селе, они рассыпались в цепь на Амуре. Застрочили их пулеметные очереди. Пули грохотали по цинковым крышам, выл ветер, снег слепил глаза...

Мы били залпами по цепям белых. Они лежали перед нами внизу, и их огонь не достигал цели: пули то впивались в отвесный берег, то свистели высоко над нами или стучали по крышам. А мы, несмотря на бурю, многих выбивали из их цепи, их тут же задувало снегом.

Мы приспособились и стали бить залпами по пулеметным расчетам. Пулеметы замолчали. Белые

пытались произвести замену, но мы ее тоже выбивали.

В другом месте белые пытались провести атаку, но и она сорвалась. К обеду стрельба стала утихать. Смотрим, против нижней части села сползаются в кучку человек тридцать—сорок белых. Они уже вне досягаемости нашего огня. Токарев собирал остатки отряда, чтобы отступить. Один пулемет они пытались утащить, но мы не дали. Партизаны вывалили на Амур, и белые, не сопротивляясь, начали уходить на подводах.

В наших руках оказались два пулемета — «максим» и крепостной, на больших колесах. Сдались многие солдаты. Откопали мы и раненых. Погоня за Токаревым не удалась. Ездила кавалерия, но кони сбивались с дороги, а идти целиком, по торосам и снегу, было невозможно.

Пленные, встретив нормальное отношение и помощь их раненым, стали проситься в наш отряд. Многие приняли.

Несмотря на то, что враг по численности и особенно по вооружению превосходил наш отряд, партизаны смело обрушились на него и разбили. Это подняло наш дух. К нам присоединились пленные. Все это сильно сказалось на дальнейшем нашем движении

к Николаевску. С этого времени наш отряд превратился в грозную силу для врага. Проходя по селам, он вырос колоссально. К нему спешили рабочие с приисков, и ничто нас теперь не могло удержать — ни глубокий снег, ни морозы.

Петр Иванович ПРИКШАЙТИС

СИЛА РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДА

Я считаю, что нельзя правильно оценить исторические моменты гражданской войны на Нижнем Амуре без того, чтобы не упомянуть о том политическом наследстве, которое получили партизаны от большевиков 1918 года. Благодаря их работе, их авторитету еще в Николаевском Совдепе, поднялись массы за восстановление Советской власти и создалась трехтысячная армия партизан, которая уничтожила, смела белогвардейщину, морально подавила японских интервентов.

Я помню, когда партизаны заняли город, на митинге выступали освобожденные из тюрьмы, пришедший с партизанами бывший работник Дальсовнаркома Бузин и большевики. Они давали лозунг, их слушали. Помню, в Народном доме было организовано собрание, там записывал в партию большевиков Власов-Днепровский (так, по неопытности, сделали). Мы стояли к нему в очереди чуть ли не два часа. А рядом сидели эсеры, еще дальше — анархисты. Самая большая очередь была у Днепровского.

Некоторые участники событий в своих воспоминаниях неверно показывают состав населения Николаевска, считают всех обывателями. Но я знаю, там была ячейка на электростанции, где, за исключением

Связным подпольной революционной организации в Николаевске (1918—1919), затем партизаном был Петр Иванович Прикшайтис. Он из очень интересной семьи. Дед его, литовец, Иван Иванович Прикшайтис, и отец, тоже Иван Иванович, были сосланы на остров Сахалин как «политические». Дед погиб на каторге, отец, отбыв срок каторжных работ, — переведен на поселение и вступил в брак с дочерью известного революционера Домбровского. С 1900 года им разрешили жить в Николаевске-на-Амуре. Отец был рабочим, умер в 1906 году. Осталось пять сыновей, Георгий Иванович — старший. Он известный на Дальнем Востоке революционер, большевик (1917), был комиссаром областного Совдепа (Николаевск), один из организаторов подпольной работы, в командировке во Владивосток (ездил на связь) был арестован, пережил калмыковский «вагон смерти», в период ДВР — министр почт и телеграфа, затем на кооперативной работе. Второй брат — Иван Иванович — фронтовик первой мировой войны, участник революционных событий в Великий Октябрь в Риге, погиб (1918). Третий — Михаил Иванович — красногвардеец, участник борьбы с белыми и интервентами, расстрелян японцами 9 июня 1920 года. Младший — Николай Иванович — кандидат исторических наук, доцент.

Петр Иванович Прикшайтис — инженер, живет в Вильнюсе. Здесь публикуется отрывок из его выступления в 1931 году.

начальника-инженера и его двух помощников, — все рабочие, и все были настроены большевистски. Среди грузчиков велась подпольная работа во время интервенции. В отряде Будрина рабочих было человек триста. Все они пошли сознательно за большевиками и советским комиссаром Будриным. Этот отряд сыграл крупную роль в подавлении японского выступления.

Путь (по Амuru к Николаевску) отрядов Хабаровского партизанского штаба был облегчен предыдущей работой николаевских большевиков, создавших определенное настроение в крестьянстве, которое и пошло за этими отрядами.

К сожалению, благодатная почва, возделанная большевиками, многие из которых погибли в интервенцию или перешли на нелегальное положение и затем уехали в другие районы, — эта благодатная почва была использована не теми, кому нужно. Пришед-

шая повстанческая армия оказалась в руках анархистов.

Но позднее здоровые силы в партизанской среде сумели победить. В борьбе с анархистами, с губительной политикой Тряпицына, окружившего себя бандитами, погибли большевики Будрин, Мизин, Иваненко. Но их дело не пропало без следа. Хотя и не было партийной большевистской ячейки, лучшая часть партизанской массы сумела организовать и избавиться от анархического нароста.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 290, л. 121—125)